

ИНТЕРВЬЮ С ЧЕЛОВЕКОМ, НЕУМЕЮЩИМ ДАВАТЬ ИНТЕРВЬЮ

Гребеня

1968

«САМАЯ КРУПНАЯ СЕНСАЦИЯ ИЗОБИЛОВАВШИХ СЕНСАЦИЯМИ X ОЛИМПИЙСКИХ ИГР» — ТАК ОХАРАКТЕРИЗОВАЛА ВЫСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО СПОРТСМЕНА ВЛАДИМИРА БЕЛОУСОВА НА БОЛЬШОМ ТРАМПЛИНЕ ИЗВЕСТНАЯ

ФРАНЦУЗСКАЯ ГАЗЕТА «ЭКИП».

ПОБЕДА ЛЕНИНГРАДЦА ВЫЗВАЛА БОЛЬШУЮ РАДОСТЬ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ И БОЛЬШОЙ ИНТЕРЕС К ЕГО ИМЕНИ. В РЕДАКЦИЮ НАШЕГО ЖУРНАЛА ПОСТУПИЛО МНОГО ПИСЕМ, В КОТОРЫХ ЧИТАТЕЛИ ПРОСИЛИ РАССКАЗАТЬ О МОЛОДОМ ОЛИМПИЙСКОМ ЧЕМПИОНЕ.

ИДЯ НАВСТРЕЧУ ЭТИМ ПОЖЕЛАНИЯМ, РЕДАКЦИЯ ПУБЛИКУЕТ ИНТЕРВЬЮ С ГЕРОЕМ ОЛИМПИАДЫ. ЕГО ВЗЯЛ У ВОЛОДИ БЕЛОУСОВА НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ВИКТОР ГОРБУНОВ.

ренобль. Здесь приземлялись
летающие лыжники

Фото М. Боташева

Вместительный, быстрокрылый лайнер «ТУ-104» прибыл из Парижа в Москву точно по расписанию. Первыми на трап вступили Борис Майоров и Вениамин Александров. Их появление вызвало бурю ликования среди встречающих. Послышалось дружное: «Ура!»

А за двумя героями ледовых баталий из салона самолета вышел невысокий, коротко подстриженный парень. Был он без головного убора, в белом свитере и легкой олимпийской куртке. Не сразу сообразили все, стоявшие на земле, что это и есть Володя Белоусов. Вероятно поэтому я свободно пробрался к нему и отшел в сторону от толпы.

— Мы очень просим дать интервью для...

— Не умею, — перебил он, — не умею давать интервью... Победа, золотая медаль — все как во сне. Никак не свикнусь с мыслью, что я — олимпийский чемпион. Рад, конечно... Очень! А еще что добавить — не знаю.

Потом мы ехали с ним в автобусе, но он все смотрел в окно, протирал замерзшее стекло и молчал. Расставаясь, пожал руку и сказал:

— Вы уж извините...

На следующий день мы встретились в Центральном Комитете комсомола, на приеме олимпийцев. Володя первым подошел ко мне:

— Вы не думайте, что я не хочу. Задавайте вопросы. Отвечу, как смогу.

Так началась наша беседа, которую мы потом продолжили в редакции и даже на трамплине у Ленинских гор.

— Как ты стал прыгуном? — спросил я прежде всего. — Когда?

— Точно не знаю, — признался Володя. — Как не знаю, когда стал ходить. Понимаете, у нас во Всеволожске, под Ленинградом, наверное, каждый мальчишка прошел через лыжи. Мне было три года, когда я начал на них бегать. А потом отец подарил велосипед. Лыжи и велосипед стали моими верными друзьями.

— Значит, твоими первыми тренерами были родители?

— Это не совсем так. Отец и мать — люди трудовые. Они и сейчас работают: мама, Елизавета Тимофеевна, инженером в институте «Гидроэнергопроект», папа, Павел Иванович, прибористом на Охтинском химкомбинате. В пору моего детства им еще приходилось учиться. А я с сестренкой Олей был под присмотром дедушки Тимофея Андреевича и бабушки Анны Васильевны. У них, между прочим, была недавно золотая свадьба.

От нас до их дома — не меньше трех километров. Родители по утрам уедут, а я — к деду с бабушкой. Зимой — на лыжах, летом — на велосипеде.

Деду я вообще многим обязан. Он бывалый охотник и меня заразил этой страстью, научил любить русскую природу и русскую литературу.

Около него было всегда уютно. А в остальном — рос я таким сорванцом, воспитывался по-спартански. Ничем меня не баловали, но ни в чем и не сдерживали. Почти весь день на воздухе. Игры, забавы, ребячьи проказы. Чтобы испытать друг друга, устраивали разного рода соревнования. Зимой, конечно, сооружали на склонах примитивные трамплины. А кто смелее — взбирался на настоящий, правда, небольшой — двадцатиметровый. Но нам, мальчишкам, казался он великаном. Однажды — тогда я учился только в первом классе — поднялся на трамплин и я. Посмотрел вниз — страшно. Мелькнула мысль — немедленно слезть. Но застыдился, знал — засмеют. Ну, думаю, будь что будет. И — прыгнул. Не знаю, что это был за прыжок, только не упал. А впечатление — будто в яму провалился. Так вот и начал прыгать...

— Самостоятельно? Без тренера, на простых лыжах?

— Да, до 1958 года было так. А потом дружок мой Коля Грибанов затащил меня в детскую спортивную школу «Локомотив» к Аркадию Федоровичу Воробьеву. Он и стал моим первым тренером. И остается им до сих пор.

— Нравилось работать по-настоящему?

— Нет, тренировки захватили меня не сразу. Я даже часто пропускал их, меняя трамплин на хоккей. В разгар зимы и вовсе потерял интерес к прыжкам. А когда пришел в секцию снова, мне вдруг сказали, что поедем в Кавголово на соревнования. Это было первенство ленинградских ДСШ. На нем весной 1960 года я выполнил норму третьего разряда. Но, пожалуй, самым важным было не это. В Кавголово я увидел Большой трамплин, прыжки настоящих мастеров. Зародилась мечта.

— И ваши результаты пошли в гору?

— Нет, наш маленький трамплин не позволял расти мастерству. К тому же много времени отнимала школа — очень хотелось хорошо кончить десятилетку. Только через три года я вновь очутился

в Кавголово, прыгнул впервые с шестидесятиметрового трамплина. Прыжок получился нормальный. В Кавголово с той поры я стал регулярно тренироваться по четыре раза в неделю. Это сразу же сказалось на результатах. Работал в метро — в бригаде по ремонту путей. Свободного времени стало больше.

Памятным для меня стал 1965 год. В конце сезона выиграл все соревнования, которые только проводились в Ленинграде. Стал мастером спорта. А летом успешно выдержал экзамены в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Учился в нем до призыва в армию.

— Расскажите, Володя, как стали олимпийцем?

— Все началось в конце минувшей осени. В далеком Кировске, на новом 70-метровом трамплине, проходила первая проба сил сильнейших мастеров страны. На меня не очень надеялись. Ведь еще в прошлом сезоне я даже не вошел в десятку. Но тут повезло — победил. Вторым был мой земляк — опытный Петр Коваленко. Третьим — молодой прыгун из Горького Гарий Напалков. Нас, естественно, взяли на заметку. Потом еще одна победа — в Горьком, на матче олимпийских команд. Несмотря на 27-градусный мороз и на то, что судейская коллегия укоротила гору разгона, наложив запрет на полеты за 80-метровую черту проектной мощности, мне удалось оба раза улететь дальше всех. Сначала на 92,5, а потом и на 101 метр. Эти прыжки были оценены высоко — 249 очков. На следующий день простудился, но мне сказали, что если прыгать не буду — о Гренобле нечего и мечтать. Пришлось выступить. Ну, и, как вы видите, получил путевку на игры.

— Как вы объясняете свое выступление, которое все называли сенсацией?

— Мне довелось перед Греноблем выступить в ряде международных состязаний — в Чехословакии, ГДР. Там я занял ряд первых мест.

В Отране я и мои товарищи были дебютантами. На среднем трамплине выступили слабо. Волновались очень. Только Толя Жегланов попал в шестерку. А победил, как известно, Иржи Рашка. Его успех вызвал у нас двойное чувство: радость за победителя, с которым мы подружились во время соревнований в Высоких Татрах, и недовольство собой. Ведь мы у Рашки выигрывали. Да и здесь, в От-

Заслуженный мастер спорта Владимир Белоусов.

Фото М. Боташева

ране, Жегланов прыгнул-то, в общем, дальше победителя, его лишь подвела техника.

— Значит, немножко пали духом?

— Нет, просто обидно было, а духом не пали. А когда провели тренировку на Большом трамплине и убедились, что прыгаем не хуже других, даже дальше, совсем повеселели.

— Итак, наступил последний перед соревнованиями вечер. Как провели вы его?

— Боялся, что буду все время думать о соревнованиях. Но выручили наши хоккеисты. Весь вечер мы проси-

дели у телевизоров. Хотя и улеглись поздно, но с очень хорошим настроением и самыми благими надеждами.

— А как у вас прошлось воскресное утро?

— Встали. Позавтракали. Подготовили свое снаряжение. И принялись состязаться... в футбол. В Отране, как, впрочем, и в олимпийской деревне в самом Гренобле, имелось много забавных развлечений, настольных игр. Мы предпочли «механический футбол». И лишь когда отправились в Сен-Низье, думы о предстоящих соревнованиях полностью завладели нами.

